

МБОУ «Таскинская средняя общеобразовательная школа»

Исследовательская работа

Тема: « Творческие люди о моём селе, городе, крае...»

Назимкина Екатерина Андреевна

16.02.1996 г. 662855 Каратузский район

с.Таскино, ул. Советская 16

**МБОУ «Таскинская средняя
общеобразовательная школа»**

Краеведческий кружок, 10 класс

Шарыпова Светлана Алексеевна

13.04.1999 г. 662855 Каратузский район

с.Таскино, ул. Советская 157-2

**МБОУ «Таскинская средняя
общеобразовательная школа»**

Краеведческий кружок, 8 класс

Руководитель: Назимкина Валентина Владимировна

Шарыпова Лидия Александровна

тел: 8(3913739233)

2013г.

Тема: А. И. Щербаков о своей малой родине.

Актуальность:

В наше время невозможно строить нравственное общество без знания своих корней истории своего края интересных и замечательных людей.

А. И. Щербаков из числа тех последних, наверное, деревенщиков что унесли в своём сердце частичку тепла из русской избы, свет чистых небес, яркие краски полей и лесов. Тем теплом согреты и многие строчки в его книгах.

Содержание

1. Вступление
2. Александр Илларионович Щербаков - о своей малой Родине
3. Люди села в творчестве Александра Илларионовича Щербакова
 4. Природа в произведениях Щербакова
 5. Заключение
 6. Список литературы

Цель:

Выявить как отражено село Таскино в творчестве А.И. Щербакова.

Задачи:

- изучить судьбу и особенности творчества писателя-земляка.
- исследовать историческое наследие своей малой родины.
- проанализировать произведения А. И. Щербакова.

Объект исследования:

А. И. Щербаков о селе, о людях, о природе.

Гипотеза:

Можно предположить что истоками творчества писателя является земля на которой он родился и люди которые окружали с раннего детства.

Методы работы:

поисковая работа ;

литературоведческий и лингвистический анализ книги;

сравнение, анализ.

Введение

Нам посчастливилось родиться в с. Таскино, где родился А. И. Щербаков- поэт, публицист, писатель.

На карте Красноярского края сотни деревень. Но для писателя А. И. Щербакова, есть одно, это его любимое село Таскино, что находится в Каратузском районе. Село основали староверы. Именно в этом селе находится дом писателя, а на воротах- памятная доска, за селом находится старообрядческое кладбище, где покоятся его родители и две сестры.

И вот приду сюда, к родным могилам,
В лесок, где спят мои отец и мать,
И сразу сверхъестественные силы
Как будто начинаю понимать.

«И вот приду сюда...»

Он родился 3 января 1939 году в семье потомственного крестьянина десятым по счету ребенком и с ранних лет как любой крестьянский ребенок, познал, что такое работа, её горько-солёным потом и её ни с чем не сравнимая сладость.

Выходец из крестьянской семьи А.И. Щербаков до сего дня остается певцом нашей деревни, тяжелого крестьянского труда, «берёзовых перелесков» да «травы, лесов и пашен», короче -Татьяновок Ивановок- бревенчатой Руси.

Скорбью и болью проникнуты его стихи о родном селе и о современной сибирской деревни.

Всё мне видится наше Таскино,
Косогоров земельных оправа...
Как ни дороги твои ласки мне,
Я привыкну к ним поздно или рано.

«Ты пойми меня»

Тема родного села пронизывает всё творчество А. И. Щербакова, и потому нам, его землякам, оно особенно близко и дорого.

Зачем я рвусь в края мне дорогие?
В моем доме давно живут другие,
Давно мои тропинки заросли.
Безрукому порою жжет ладони,
Слепому снится белый-белый свет

А у меня душа болит о доме.

Хочу домой...

А дома больше нет.

«Хочу домой»

Он должен быть у каждого, свой дом, простор родных покосов и урочищ. Познай его любовью и трудом- ты мир, как сад, украсишь и упрочишь.

Отцовская изба! Сколько задушевных поэтических страниц посвящено ей А.Щербаковым в его прозаических произведениях!

Кажется, давно ли так беспечно хлопал этими воротами, то с отцовской полевой сумкой через плечо прибегая из школы, то возвращаясь с пашни, то подкатывая на легком велосипеде из райцентра, где заканчивал десятилетку, а то подходя осторожно, на цыпочках, и беззвучно нажимая на лапку щеколды, тихо отворил створ, чтобы не разбудить звонкоголосого Борзю, не встревожить

сердитого Соболя, когда поздней летней ночью, уже на заре, возвращался с первых, томящих сердце свиданий... И вот я в последний раз закрыл ворота отцовского дома. Они захлопнулись глухо и печально. Захлопнулись навсегда. И навсегда остался за ними самый прекрасный, самый светлый и самый надежный мир, который называется родным домом.

Опять скорблю о нашем доме

И вспоминаю мать с отцом

Опять ищу в стогу соломы

Тот ключ, утерянный мальцом.

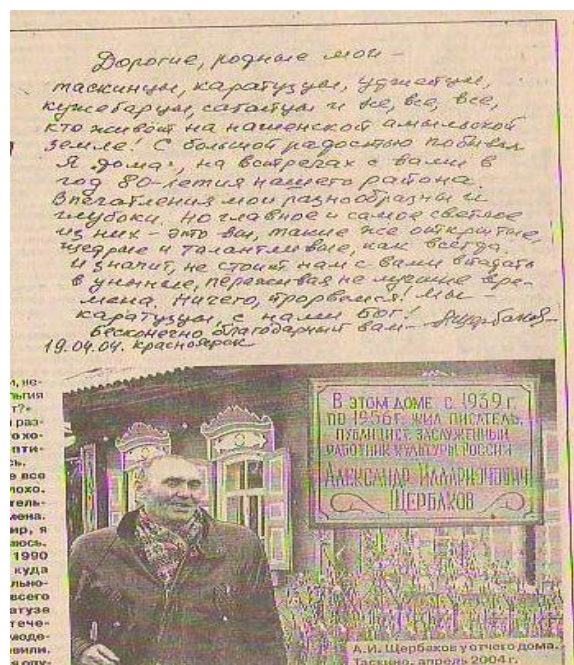
Вздыхать всю ночь о доме отчем,

Видать, удел достался мне.

И не бывает такой ночи,

Чтобы не снился он во сне.

«Вздох о доме»

Люди села в творчестве Александра Илларионовича Щербакова

Близко друг к другу живут деревенские люди. Тесно живут. Почти одна семья. Тут не то что событие или случай- черты единой не останется без пристального внимания, ни одна чудинка не пройдет незамеченной.

За эти самые черточки, особенки иному бедолаге такое прозвище влепят, что уйдет оно, как говорил Гоголь, в род и потомство. О другом бывальщину сложат, и пойдет она гулять по селу от дома к дому, из поколения в поколение. А третий и вовсе станет притчей, анекдотом ходячим.

Очень яркие впечатления детства связаны у него с колхозной кузницей, столяркой, маслобойкой, конюховкой, пимокатной мастерской, с пашнями и фермами, где работали сельские труженики, которые потом стали главными героями его произведений.

Мы плоть от плоти хлебробы,
И нам судьба дана одна:
С тобой мы сеятели оба,
Возделыватели зерна,
Перед тобой звенит пшеница,
Играя каждой струной,
Передо мной молчит страница
Неподнятою целиной.

«Сеятелю»

Старинный таинственный верёвочник Фрол Артемьевич Бондарев плел веревки не только из поскони и конопля, но и из конского волоса. Каких мастей были сельские рабочие лошадки, таких цвета и верёвки. И опять дело, конечно, не в капризе мастера или в нехватке растительного волокна. Дело снова же в практичности. Верёвка из конского волоса удобна тем, что не боится сырости. А мало ли на селе работ, где требуется верёвка именно с таким бесценным качеством.

«Вейся, вейся, не развейся, ты верёвочка моя...», как перед глазами непременно встанет эта картина и колесо, и козелки, и пеньковые нити вдоль деревни, и сам дядя Викул с куделей в руках.

(Вейся, вейся...)

Но уже если кому нужно было скатать сибирские катанки, да такие, чтоб ноге тепло в них было, как на печке, мягко, как в гнёздышке, чтобы век износу им не было, тут уж все тянулись к нам в Таскино.

Не знаю, кто был первым основателем катальной школы, но только всему району и поныне известно, что живут в Таскино наилучшие пимокаты.

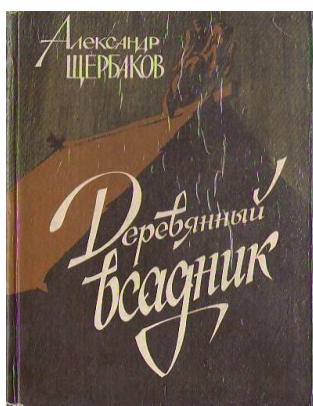
Начнём подряд: Сергей Калачов, Александр Борисов, Викул Тютюкин, Николай Филимонов, Евстегней Закутилин, Прохор Филимонов, Семён Гужавин, отец мой тоже катал...

Скатай, отец мне валенки,
Чтоб голенища-во!
И пемзой наздреватой
Сними паленый ворс
Покрась секретной краскою
Из банки потайной,
Чтоб все девчонки Таскино

Гужом гнались за мной!

«Скатай отец мне

валенки»

А в своём сборнике рассказов «Деревянный всадник» им создана целая галерея портретов-односельчан, мастеров на все руки.

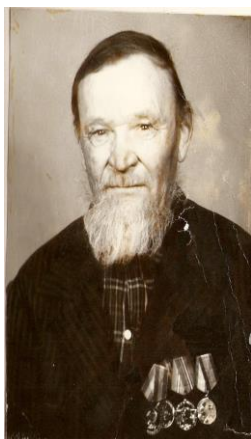
В своём рассказе «Тайны старого волчатника» Александр

Щербаков рассказал о Гордее Дикове.

... Гордей – человек лесной. И фамилия у него лесная – Диков.

Гордей – охотник.

Как почти всякий охотник, Гордей умел рассказывать лесные были. Он никогда не сочинял их и даже не приукрашивал. Историй с ним случалось много, и среди них было немало настолько интересных, что они не нуждались во всякого рода преувеличениях.

Гордей – человек степенный, неторопливый, спокойный. У него крупное мясистое лицо с чуть приплюснутым носом, всегда обветренное, задубелое. Смотрит он обычно, немного запрокидывая голову, потому что носит шапку, сдвинув на самые глаза. И ходит Гордей не спеша, и рассказывает неторопливо, обстоятельно, не давая воли эмоциям.

Но при этом Гордей не походил на тех утомительных рассказчиков, которые говорят без умолку, не давая вам вставить слово. Гордея слушать всегда было приятно, потому что он заражал, брал в плен своим знанием окрестностей, чуть не до каждой березки в лесу, знанием трав и деревьев, пониманием жизни и повадок зверей и птиц.

Когда мы возвращались с сенокоса, где Гордей обычно работал стогоправом, и проезжали мимо курганов, он рассказывал нам о древних захоронениях под этими холмиками. Его рассказы о далеких кочевниках, их богатых вождях, погребенных вместе с живыми рабами, женами, бронзовым оружием и золотыми сосудами, были так выразительны и увлекательны, что, наслушавшись их, мы сами пытались проникнуть штыковой лопатой в недра седой древности. Правда, наш гробокопательский порыв угасал слишком быстро, чтобы нарушить неприкосновенность этих кладовых истории, охраняемых государством.

Говорят, ходьба хорошо укрепляет сердце. Может, оттого Гордей и выглядел до глубокой старости довольно бодрым, полным сил человеком, что в своей жизни ходил он столь много. Когда наступала зима, вместе с другим таскинским охотником Осипом Дурновцевым отправлялся в тайгу за белками и соболями. В тайге они пропадали месяцами. А с наступлением весны Гордей начинал охоту на волков. Это был его "конек" и, пожалуй, главный промысел.

Мне лишь однажды случилось видеть, как Гордей нес волчат. Вернее, даже не Гордей, а сын его Сашка. В тот год Диковы пасли частных коров по найму. Вечером, когда они со стадом возвращались в село, я вышел, чтобы открыть ворота нашей голосистой Катьке и угостить ее ломтиком хлеба с солью. Позади стада шли Гордей с Сашкой. Сашка через плечо нес мешок. Он то и дело ставил

его на землю, и люди, обступая мешок, заглядывали внутрь.

Я тоже подбежал, подстрекаемый любопытством, и когда пробрался к мешку, увидел на дне перебирающих лапами серых щенят, с узкими тускловатыми щелками вместо глаз. Это были волчата. Из Сашкиного объяснения, как они с отцом достали весь помет, запомнилось только, что Сашка стоял с ружьем у норы, а отец в это время раскопал логово и потом спустился в само гнездо. Гордей же ничего не рассказывал, он только слушал сына и хитровато щурился. Еще один рассказ «Минькин хлеб» он посвятил своим одноклассникам Закутилину Михаилу, Лапину Федору.

... Тишина. Пахнет полынью, укропом и свежими огурцами. Вдоль улицы, припадая к самой дороге, проносятся стремительные ласточки, похожие на свернутые зонтики. Мы с Михаилом сидим под окнами его дома на длинном березовом хлысте. Курим, неторопливо перебрасываемся фразами.

Михаил днем работал на метке сена. Травы, особенно по суходолам и заветериям, выбухали такие, что не перекосить, не переметать.

Я слушал его деловые хозяйственные рассуждения и с гордостью и одновременно с грустью думал о том, что мы, вроде недавние сельские ребятишки, стали уже совсем взрослыми мужиками, и разговор у нас взрослый, и заботы. И дела, которые нам доверяют, тоже серьезные, взрослые. Гришка Теплых бухгалтером стал, Ванька – геолог, Гришка Филимонов – строитель, Федька Лапин колхозной бригадой руководит... Окончил курсы в Минусинске, приехал, принял бригаду. Начал с того, что открыл окна в конюховке, запечатанные еще с военных лет. Побелили помещение, занавесочки повесили, стол поставили новый, взамен старого топчана, накрыли его красной скатертью, разложили газеты, журналы. От конюховки и духу не осталось. Бригадная контора.

Созвал людей, вместе выбрали совет бригады. Его решения – закон. Пошло дело. Бригадир молодой – и ослушаться можно, а в бригадном совете народ солидный, стыдно не уважать. Стариков Федор на ноги поднял. Те видят, что горячо берется парень за дело, зашевелились. Давай, бригадир, пиши наряд, что тебе требуется. Ступку к колесу выточить, вязок к саням загнуть, вилы выстругать, грабли – все в наших руках.

... А Михаил еще долго был просто колхозником, работал «на разных». И не потому вовсе, что ему трудно было учиться – в школе он всегда ходил в ударниках, – просто он знал многие другие работы и умел ценить каждую. Сначала в бригаде конюшил, возил сено, стоял под зародом мётчиком, потом работал на свиноферме – водовозом, фуражиром, свинарем. Но позднее все же решил стать механизатором. Потому, может быть, что жениться надумал. Как ни говори, механизатор – фигура солидная, да и заработок у него покрепче.

В тот же год, как привел Михаил в дом молодую жену, пошел он к старому комбайнеру Ивану Рябихину «на штурвал». Три страды провел вместе с ним на одном комбайне, приглядывался к мастерству, вникал в новое дело. Одновременно закончил курсы трактористов, открывшиеся в Таскино, и вручили ему этот самый трактор, который сейчас стоял перед нами.

Когда отец писал мне письма из дому, то обязательно сообщал о жизни и работе моих школьных товарищей, друзей детства. И особенно тепло отзывался о Михаиле, этой безответной крестьянской душе, для которого жить означает – трудиться, в поте лица добывать свой хлеб.

«Без сучка, без задоринки» - в этом рассказе Александр Щербаков рассказал о столярах которые много лет работали в колхозной столярке.

... Много славных мастеров знала столярка за годы артельной, колхозной жизни. Здесь в свое время работали по дереву и Ларион Белых, и Роман Бусоргин, и дед Смертин, которых я уже застал глубокими стариками. Но и мне довелось знать неплохих столяров – Ивана Калачёва, Михаила Чичурина, Ивана Григорьева, Георгия Штумпфа...

Столяры, особенно кто помоложе, сами мастерили всякие технические приспособления. Да и теперь, поди, мастерят. Но, пожалуй, первым тут проторил дорогу Георгий Штумпф, ссыльный немец.

Георгий работал когда-то на Волге, в столярном цехе одного завода. Он столяр высшего разряда.

– Что ты можешь сделать, Георгий? – спросил я однажды, любуясь его работой.

- А всё, что нарисует заказчик, - ответил он, горделиво улыбаясь.

У Георгия подход к делу рационализаторский. Вы бы видели станок, на котором он работал. Универсальный. Собственной конструкции. Сплошное «по щучьему велению». Электропилы под разными углами, электрорубанки, электросверла и еще дюжина всяких электро – все это установлено или могло быть установлено на его чудо-станке. Раму, например, он делал буквально на глазах, вы не успевали и папиросы выкурить. Пазы он не долбил, на то – пила со сменными дисками; рубанок, длинный, как полено, не брал – на это маховиковый, «электро». И вообще он брал в руки только рейки или соковинки и размахивал ими над визжащим станком, как волшебными палочками, а потом ставил перед вами готовое изделие. И без сучка, без задоринки.

Настоящий виртуоз в своем деле, он перенял от старых мастеров тонкое знание исходного материала, даже чутье к нему, интуицию, если можно интуицию перенимать вообще. Материал для своих изделий он обычно заготавливал сам.

И еще воспринял Георгий от старых мастеров и от предков своих, немцев, аккуратность в работе, строгий порядок. Всякие есть на селе столяры. Иной придет в мастерскую – тюк, тюк! – вытешет наспех топорище и быстренько топор насадит.

У Георгия же рубанки, фуганки покрашенные, ручки у стамесок, напариев и пил – точеные, каждому инструменту в шкафу – свое место. А если вещь он какую сделает, пусть хоть будет то обыкновенный черен для лопаты или метлы, отфугует обязательно, краешки подровняет, наждачком почистит.

Все путем, что называется.

Георгий умеет не только столярничать, он и русскую печь сложит, и голландку, сапоги сошьет, коробок сплетет, окно вставит...

... Ну, а еще Георгий – садовод. И здесь у него все по науке. В домашней библиотеке – справочники, журналы, целые труды по садоводству. Это в библиотеке. А в саду? Здесь тоже не пусто: яблони пяти сортов, полукультурки, ранет. А прежде, как и у большинства в селе, одни дички росли, плоды с горошину величиной, по вкусу напоминающие хинные таблетки.

... Темные, ядреные, они попались на глаза Георгию. Прибрал он их к месту, а потом, время пришло, посадил.

Когда выросло маленькое деревце, взял «глазок» от него и привил к дичке.

Почка прижилась, дала лист, ветвь, а потом и плоды. Вскоре к дичку-подвою он привил еще один сорт яблони, потом – другой, потом – ранета... Короче говоря, добился того, что на одном корню у него вызревали сразу плоды пяти сортов. И когда приходили соседи подивиться, он говорил неизменно:

– Это мне за то, что я всю жизнь дерево любил.

Природа в произведениях Щербакова

Великолепная родная таскинская природа еще в детстве, класса с четвертого, вдохновила его на стихи и даже прозу.

Взрослеет лето, хорошеет,
В цветах синеет и в росе.
И ребяташек в Перешеек
Набилось больше карасей.

«Разноголосица июня»

Таскино было окружено прекрасными лесными озёрами, в большинстве рыбными.

Красноперый, широконыйкий,
Весь похожий на мать
Он любил, как все окуни,
Камышами шуршать.

«Окунь»

Но, к сожалению многие из них-Градунцово, Пашино, Скрипкино, Дектярево-уже при моей жизни высохли почти на нет. Другие-Спирино, Бабино, Наумово, Диново, Кругленькое, и даже Перешеек, самое глубокое и чистое,-тоже неумолимо мелеют год от года.

«Тимин пруд»

Озеро Наумово,
Голубое око,
Спасибо, надоумило,
Что на сердце в строки...
На картах не отмечено
Ты кружочком с мысиком,
Но для меня Отечество
Без тебя немислимо.

«Озеро Наумово»

Старожилы говорят, что были у озера на дне надёжные родники, но потом они засорились. Случалось ли подобное прежде? Наверное случалось. Но хозяин пашни и сенокоса вокруг озера крестьянин Спирин, заботясь о его судьбе, каждой весной прочищал родники. Он знал их напересчет.

Исчезают в Таскино и ключи. Раньше их было множество: что ни лог ни распадок, то, глядишь, пульсирует родничок. Мне помнится, даже рядом с деревней, в Гурином логу, в самой его вершине, в глухом папоротниковом заветерье, было что-то вроде крохотного ключика, а над ним маленький лесной колодец.

Когда же недавно мне вздумалось напиться в Гурином логу, то я не нашёл не только лесного колодца, но даже признаков его бывшего существования, хотя облазил весь лес вдоль и поперёк.

«Тимин пруд»

Бил из под камня ключик,
Сверкая, словно лучик,
Живой воды исток,
По-местному, громок.
Какой он был пречистый,
Хрустально-серебристый,
Весёлый погромек,
По-настоящему, громок.

Но пройдет еще сто и тысяча лет, будет жить наше село, будет стоять наша Татарская гора:

Глядя в прошлое внутренним взором,
Спохватился я нынче с утра.
Что мне нашу Татарскую гору
И воспеть, и восславить пора....
...Не напрасно ведь, как мне сдаётся,
По утрам зарождаясь в заре,
Первый луч восходящее солнце
Посылает Татарской горе.

«Татарская гора»

И хотя Александр Илларионович Щербаков давно уехал из родного села, он не забывает о своей малой родине. Он часто приезжает в село, встречается с его жителями. Интересуется жизнью и судьбой людей, с которыми он провел своё детство.

Заключение

Родина не может быть «большой» или «малой». Родина у нас одна. И она не гнездышко, привязанное к ветке, не поляна, огороженная частоколом борových сосен, а скорее река, которая одновременно и родник, и речка, и полноводный поток, стремящийся к морю. И достигая устья, мы не забываем о своих истоках. Они всегда с нами, в нас, в нашей плоти и крови. Недаром же родник и Родина, отчина и Отчизна имеют одни общие корни

Смирился — Боже, упаси
Ведь я пишу свои фантазии
Не просто в глубине Евразии

А посреди Святой Руси.

Александр Илларионович — член Союза писателей, автор более двух десятков книг, стихотворений, прозы, публицистики, печатается во многих журналах СНГ и России.

Мы гордимся тем, что наша таскинская земля дала нам такого талантливоего человека. Мы с удовольствием читаем его произведения, потому что они написаны о наших дедах и прадедах

Может тем и храним от напастей,
Что мне с Родиной так повезло
И навек было вписано в паспорт
Наше лучшее в мире село.
Всё тоскую о нём... Знать оно
По названью не зря — Таскино.

Список используемой литературы:

1. А. Щербаков — Деревянный всадник
2. А. Щербаков — Земляки
3. А. Щербаков — Горлица
4. А. Щербаков — Дар любви
5. Газета «Знамя труда» 2004 г. статья «Камертон нашей совести»
6. Газета «Знамя труда» 2001 г. статья «Душа болит о доме»

7. Газета «Знамя труда» 2003 г. статья «Поклон истокам»